

ные с трудовой деятельностью человека, в то время как Зоценко создает сатирический сказ с глубоко запрятанным авторским идеалом. Последнее обстоятельство придает зоценковскому сказу особую сложность и даже загадочность.

7. Зоценко и Бажов выводят сказ к большаку русской литературы с тех проселочных дорог, где он по преимуществу развивался. Сказ Зоценко, как и сказ Бажова, принадлежит к высокой литературе, несмотря на демонстративное заявление Зоценко: "В высокую литературу я не собираюсь лезть. В высокой литературе и так достаточно писателей". Вне сказовых произведений Зоценко и Бажова русская проза 1920 - 1940-х годов оказалась бы много беднее, чем это есть на самом деле.

Н.В.Смирнова

ЭМБЛЕМА В МИРЕ А.С.ПУШКИНА ("Желание славы")

Эмблема, или (по определению А.Ф.Лосева) символ специального назначения, имела широкое хождение в литературе XVII - XVIII веков, в искусстве барокко. В начале XIX века барочные эмблемы (амур, пишущий стрелами на воде; дуб, плющом увитый; пчела, собирающая мед), встречающиеся в лирике В.Жуковского, К.Батюшкова, А.Дельвига, Е.Баратынского, Д.Давыдова, имеют более орнаментальный, чем содержательный характер. В ряде случаев эмблема напоминает ссылку, цитату, еще раз подтверждающую давно известное. Но наряду с эмблемой канонической на рубеже веков структурируется "личная" эмблематика, использующая и иконографию, и семантику, и самое главное - механизм эмблемообразования.

Так, например, пушкинская эмблема "чудного мгновенья" - момента, фокусирующего все высшие радости, воспроизводит структуру эмблемы: *inscriptio, pictura, superscriptio* - надпись, рисунок, подпись. Надписью (наименованием) эмблемы станет "чудное мгновенье", рисунком - женский образ, а подписью, раскрывающей содержание эмблемы - "и божеество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь".

Помимо структурных принципов у Пушкина встречаются и сами эмблемы ("Как беззаконная комета в кругу расчисленных светил...", "Он по когтям узнал меня в минуту..."),

и их образные компоненты. В "Желании славы" в кульминационном моменте психологического слома, потрясения, пластика и конкретность предшествующего текста исчезают, и возникает условный, знаковый язык; предельно индивидуализированный герой замещен "путником, молнией постигнутым в пустыне". Цепочка эмблематических образов - пустыня, молния, затмение, слезы - образует параллельный сюжет, в котором на первый план выступает тема повергнутого величия. Молния, орудие гнева Юпитера ("Молния первым делом ударяет в гору"); пустыня - место, где испытывается сила и стойкость; слезы, которые всегда предшествуют торжеству и победе; затмение, символизирующее трудности, достойно преодолеваемые, - все это традиционные атрибуты эмблем со сложившимся семантическим ядром. Вплетенные в любовный сюжет, они придают иной статус герою: перед нами не терзающийся влюбленный, но повергнутый божественным гневом творец. Эмблематическая цепочка вводит героя в иную систему координат, свободную от субъективных оценок и помогает создать суггестивное пространство финала, в котором герой воплощен в имени, молве ("...Чтоб именем моим /Твой слух был поражен всечасно, /Чтоб ты мной /Окружена была, /Чтоб громкою молвою /Все, все вокруг звучало обо мне..."). Традиционная эмблема порождает личную - эмблему имени, гласа верного. То, что не удалось в эмпирическом пространстве - остановить мгновение счастья - в суггестивном пространстве осуществляется; героиня оказывается в плену имени. Таким образом, традиционная эмблема служит переходом в иное, более условное пространство, в котором порождаемый знак качественно иной, более субъективный, выражающий скорее индивидуальное состояние, но, с другой стороны, абстрагирующий характер эмблемы никуда не исчезает.

Л.С.Соболева

РУКОПИСНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ УРАЛА: ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОСТИ

Тема регионального развития русской литературы в последнее время привлекает внимание многих исследователей не случайно. Сложное соотношение центробежных и центро-